Максат Бяшимов: «После Владимира Короткевича писать по-другому нельзя!..»

Category: Kitapcy,Söhbetdeşlik
написано kitapcy | 23 января, 2025
Максат Бяшимов: «После Владимира Короткевича писать по-другому нельзя!..»

Максат Бяшимов: «После Владимира Короткевича писать по-другому нельзя!..»

Максат Бяшимов, прозаик, переводчик (Туркменистан): «После Владимира Короткевича писать по-другому нельзя!..».
Максата Бяшимова хорошо знают белорусские литераторы. На страницах туркменского литературно-художественного журнала «Дунья эдебияты» («Мировая литература») с его поддержкой в последние годы появился целый ряд произведений белорусских авторов в переводе на туркменский. Ряд рассказов самого Максата опубликован в переводе на белорусский язык – в журнале «Маладосць», альманахе «Далягляды». В Ашхабаде туркменский литератор в разные годы встречался с белорусами Юлией Алейченко, Алесем Бадаком, Алесем Карлюкевичем. Сейчас для издательства «Мастацкая літаратура» Максат Бяшимов составляет антологию современного туркменского рассказа. Писатель, разумеется, много читает из белорусской прозы и поэзии. И наш сегодняшний разговор с туркменским литератором – о белорусском классике Владимире Короткевиче.

– Глубокоуважаемый Максат, знаю, что одно из первых произведений Владимира Семеновича Короткевича, с которым вы познакомились, – "Седая легенда". Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном.

– Да, одно из первых, но не самое первое. Знакомство с творчеством Владимира Короткевича я начал с рассказов. Хорошо

запомнился поэтический рассказ «Лазурь и золото дня». По-моему, это настоящее стихотворение в прозе. Но еще большее впечатление на меня произвели «Книгоноши». Возможно, причиной тому затронутая в рассказе тема. Она оказалась мне близка — сила идеи, страх перед идеями, тема запрета.

А «Седая легенда», мне кажется, должна занимать в литературе Беларуси такое же место, каковое в русской принадлежит повестям Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба» и Александра Сергеевича Пушкина «Дубровский». Страстная патриотическая история, рассказанная в «Седой легенде» от лица иноземца, чье пренебрежение к складу характеров белорусов производит обратный эффект, не может не волновать.

При чтении не покидает ощущение, что это действительно легенда, фольклор. Такое чувство, будто Короткевич решил дополнить, дописать народное творчество, создать маленький эпос.

Еще больше я восхищен повестью «Ладья отчаяния». Эта философская притча, думаю, принадлежит к тем именно произведениям, какие миру могла подарить только Беларусь. Да, Беларусь, а не какая-либо другая страна. Удивительно легкое и непринужденное отношение к смерти. Шутливая мудрость. Такое обычно свойственно исключительно фольклору. При чтении мне вспомнился фильм замечательного шведского режиссера Ингмара Бергмана «Седьмая печать». Там тоже главный герой решается сыграть со Смертью в шахматы. Но на этом сходство и кончается. Смерть чересчур сложная тема, которая не оставляет места улыбке, поэтому у великого шведа в итоге вышла очень тяжелая, сложная философская драма. А вот Владимиру Короткевичу удалось с почти беззаботной улыбкой закончить игру. Мне представляется, что сама эта повесть — она и есть партия в шахматы, в которую Короткевич сыграл со смертью. И писатель эту партию победил, несмотря на то, что земная его жизнь оборвалась. Думаю, даже одной этой повести хватило бы автору, чтобы занять в литературе Беларуси и мира то почетное, достойное место, которое он ныне занимает.

Знаком еще и с повестью «Дикая охота короля Стаха» и романом «Христос приземлился в Гродно». Последнее, как и «Ладью

отчаяния», считаю пока что высшим достижением в творчестве Короткевича. «Колосья под серпом твоим» еще не читал, но планирую. Чувствую, что это будет нелегким чтением, что роман принесет мне немало открытий. И, возможно, еще мы вернемся к разговору о Короткевиче. И тогда я скажу что-то новое. А главное, что я верю, что стану гораздо богаче, выше, как читатель…

— Представляете ли вы настоящее место Владимира Короткевича в белорусской литературе?

— В литературе каждой страны бывают поворотные моменты. Моменты, после которых литература уже не может оставаться прежней. Происходит значительный скачок. Становится более-менее понятно, по какой тропе литература и мысль будут развиваться дальше. Думаю, творчество Короткевича выполняет подобную функцию, оно как минимум способно ее выполнить. Да, выполнить роль рулевого в безграничных человеческих, общественных исканиях.

— На ваш субъективный взгляд, можно ли по творчеству Короткевича судить о Беларуси, белорусах?

— Голливудские киношники при создании спецэффектов, работая над компьютерным персонажем, часто пользуются датчиками движения, чтобы действие выдуманного аватара выглядело правдиво.
По-моему, подобным же образом, по персонажам, по героям и героиням Короткевича можно воссоздать настоящего среднестатистического представителя белорусской наций, его мировоззрение и повадки, его отношение к жизни.

— С какими писателями Туркменистана вы сравнили бы Владимира Короткевича?

— Не уверен, можно ли вообще хорошего автора с кем-нибудь сравнивать. Ведь он именно тем и хорош, что неповторим. По богатству языка, по красоте слога из туркменских авторов на ум приходит Сапаргельды Аннасахедов. А по любви к своему народу,

по стремлению создать нечто новое по образу и подобию старого, народного, – этим аспектом Владимир Короткевич близок к Акмураду Широву, автору повести «Глиняный мальчик», рассказа «Караван». Но, опять же, разница огромная. Даже в менталитете.

– Как вы считаете, правильным ли было бы осуществить масштабное представление Короткевича через переводы на туркменский язык?

– Я считаю это не только правильным, но и крайне необходимым, и даже неизбежным. Хорошая литература всегда достойна большого круга читателей. И каждая народность, и каждый отдельно взятый читатель найдет в хорошей книге то, что дорого ему. Я не сомневаюсь, что истинные любители большой литературы в нашей стране примут и искренне полюбят произведения Короткевича. И помощником, конечно же, в этом движении писателя к читателю, помощником в осмыслении читателем творчества Владимира Короткевича выступит не только наш журнал «Дунья эдебияты», а и другие туркменские литературно-художественные периодические издания.

– Вы сами готовы взяться за перевод прозы Владимира Короткевича на свой родной язык?

– К сожалению, сам я редко занимаюсь художественным переводом. Во-первых, это связано с моей редакторской работой. Я эти переводы больше редактирую, чем делаю сам. Во-вторых, у меня много неосуществленных авторских планов, для реализации которых необходима огромная куча времени. Поэтому, когда меня спрашивают, почему я мало перевожу, всегда выкручиваюсь шуткой: «Боюсь, что меня назовут переводчиком». На самом деле, я всегда перевожу только те произведения, какие желал бы написать сам. У Владимира Короткевича таким произведением считаю «Книгоноши». Поэтому перевод этого рассказа только вопрос времени, если только никто не решится сделать это раньше меня.

– Насколько историческая тема близка туркменскому читателю?

— Наши читатели просто обожают историческую литературу. Если взять туркменскую советскую прозу XX века, то не меньше половины, наверное, написано по историческому материалу. Нурмурат Сарыханов, Берды Кербабаев, Беки Сейтаков, Хыдыр Деряев, Ата Каушутов, Чары Ашыров, Клыч Кулыев, Курбандурды Курбансахатов, Валентин Рыбин, Язмурат Маммедиев, тот же Сапаргельды Аннасахетов… Главные произведения этих авторов в той или иной степени основаны на исторических событиях. В современной туркменской литературе монументальные исторические полотна создали Атаджан Таган, Агагельды Алланазаров и Джума Худайкулиев.

— Кого из исторических прозаиков вы посоветовали бы открыть белорусам, чтобы более полно представлять Туркменистан, туркменов?

— У Нурмурада Сарыханова есть замечательный рассказ «Книга» и повесть «Шукур бахши». Не уверен, но возможно эти произведения уже переведены на белорусский язык. «Книга», к примеру, входила во многие антологии лучших советских рассказов, в том числе присутствует в известном двухтомнике «Советский рассказ», изданный в серии «Библиотека Всемирной Литературы».

Много и красиво об истории Туркменистана писал Морис Симашко.
Очень, почти все читатели единодушно любят у нас новеллу «В песках» Комека Кулыева, действия которой происходят в дореволюционные годы.
У Нобаткули Реджепова есть очень интересная повесть под названием «Когда мир стал труслив». Тот же Атаджан Таган известен как автор романа «Чужой», в котором жизнь туркмен в середине XIX века показана через призму истории пленника-француза. Кстати, в этом можно усмотреть даже некоторую параллель между «Седой легендой» Владимира Короткевича, романом Атаджана Тагана и вышеупомянутой новеллой Комека Кулиева (там речь идет о русском пленнике, молодом парне, схваченном туркменскими туземцами). Взгляд иностранца позволяет более выпукло и детально описать образ жизни местного населения, так как всё, что обыденно для коренного

жителя, для пришельца – экзотика высочайшей пробы.

Беседовал: Кирилл ЛАДУТЬКО.

Ашхабад – Минск, 13.01.2020.

Söhbetdeşlik